

А.В. ШИПИЛОВ

"Благородство" против "подлости" (Специфика формирования сословной культуры русского дворянства)

В отечественном историческом сознании словосочетание "дворянская культура" накрепко ассоциировано с неким персонажем среди барочной лепнины, в пудреном парике и с витиеватой галантностью на устах: примерно так визуализируется "благородство" в его изначально социальном значении, только позднее сместившемся в этическую плоскость. Конечно, в ходе социокультурной эволюции внешнее всегда предшествует внутреннему, но почему внешность русского дворянина оказалась именно такой? Я попробую ответить на этот вопрос, исходя из понимания культуры как формы, манифестирующей социальное содержание: понимание первой предполагает анализ последней, каковой и предлагается вниманию читателя.

Чин и сословие

Эволюция социально-политического устройства России от сеньориального к сословному строю заняла более столетия: первые элементы юридического закрепления прав и/или привилегий отдельных социальных групп фигурируют в Соборном уложении 1649 г., а окончательное законодательное оформление сословной структуры нашло свое отражение в Жалованных грамотах 1785 г. В Московской Руси население делилось по чинам, то есть по их отношению к государю, которое имело только две базовых разновидности – тягло и служба.

Если сословие – социальная группа с определенными *правами*, то чин есть группа с определенными *обязанностями*, и сословные различия есть различия прав, а чиновные различия – различия обязанностей. Все московиты-миряне делились на тех, кто служил, и тех, кто платил, на служилых людей и тяглых людей; генетически позднейшее имперское дворянство восходило к первому разряду, в основном к той его подгруппе, что в XVII в. именовалась "служилыми по отечеству" и включала в себя думные чины, чины служилые московские и городовые, а также чины детей боярских, дворовых и городовых. Все эти категории, от детей боярских до думных бояр, означали служебное положение, подразумевавшее соответствующий круг обязанностей, а не набор прав.

Единственной социальной группой, в какой-то мере отвечавшей европейским представлениям об аристократии, были потомки владетельных князей удельного периода. Однако княжеский титул сам по себе никак не соединялся с высоким социальным и имущественным статусом – многие князья, возводившие свой род к Рюрику или Гедимину, служили младшими офицерами или вовсе купеческими приказчиками. Так, Рюриковичи князя Вяземские в XVII в. служили сельскими попами и дьячками у средней руки помещиков, а Рюриковичи же Белосельские были приживалами у каких-то никому не vedo-

мых Травинных [Шепелев, 1991, с. 56]. В качестве иллюстрации можно привести одну характерную путевую заметку Адама Олеария – члена голштинского посольства 1633–1634 гг.: "В Будове наш переводчик стал расспрашивать о живущем там князе и обратился со своим вопросом к самому князю, смотревшему через оконное отверстие в курной избе: переводчик не разглядел, что князь и мужик глядели из одного отверстия. Когда князь дал понять, что ему эта ошибка неприятна, переводчику пришлось просить прощения за то, что он князя принял за мужика" (цит. по [Рябцев, 1998, с. 317]). И князей, и бояр, наравне с прочими служилыми людьми, били кнутом и батогами, пытали, казнили, отнимали "честь" и имения, переводили в дети боярские, ссылали и т.д. Можно сказать, что москвиты в полной мере обладали и свободой, и равенством, только равенство было равенством бесправия, а свобода – свободой холопства (государев холоп был свободен от частного владельца, частный холоп – от государя, и никакая иной свободы в Московском государстве не существовало).

Начавшаяся во второй половине XVII в. и достигшая наивысшей интенсивности в первой половине XVIII в. эволюция от сеньориального к сословному строю в России означала *движение от равенства в рабстве к свободе в неравенстве*. Впрочем, следует заметить, что это скорее универсальная норма, чем чисто российская особенность, ибо свобода в социально-политическом смысле есть коррелят власти: свободен ее субъект, несвободен ее объект. В рамках оппозиции господства и подчинения свобода есть принадлежность первого, несвобода – последнего (впрочем, свободу можно предисцировать к господству ровно с тем же правом и успехом, что и наоборот: свободный – это господин, господин – это свободный). Свобода есть возможность осуществления господства, поэтому освобождение одного сословия тождественно приобретению им господства над другим; соответственно, избавление российского дворянства от обязательной службы и установление им своей власти/собственности по отношению к крестьянству были разными сторонами одного и того же процесса.

Положение крестьянства

В результате этого процесса, завершившегося в период правления Екатерины II, правоспособность частновладельческого крестьянства была сведена к абсолютному минимуму. Так, крестьянин не мог уйти на промысел без письменного разрешения помещика, которому принадлежало право суда над своими крепостными (кроме уголовных дел), в то время как крестьянин не мог присягать в суде; он не мог поступить на службу, в высшее учебное заведение, не мог принять монашество. Владельческий крестьянин не мог приобретать недвижимость на свое имя, заводить мануфактуры, вступать в откуп и подряды, давать векселя, быть поручителем и вообще вести денежные сделки от своего имени. Ответственным за уплату крестьянином податей был помещик; владелец мог отправить своего крепостного не только на поселение в Сибирь, но и на каторгу, в то время как жалоба крестьян на помещика квалифицировалась как государственное преступление, каравшееся кнутом и той же каторгой.

Владельческий крестьянин фактически не имел гражданских прав; он был не гражданином (точнее, подданным), а собственностью своего владельца. Уже в петровское время В. Татищев в одном проекте писал о "продаже, закладе, покупке деревень, земель и мужиков" [Татищев, 1990, с. 45]; это живо напоминает инвентарные списки римских вилл, где рабов перечисляли через запятую с волами, мотыгами и прочим усадебным имуществом. Французский путешественник О. де ла Мотрэ в своих записках о вступлении на престол Екатерины I рассказывал: "Текст этой присяги, записанный и отпечатанный, был разослан персонам всех рангов в большие и малые города всех провинций Российской империи, чтобы там сделали то же самое, – все, кроме мужиков, которые не считаются гражданами" (цит. по [Беслятых, 1991, с. 214]). В манифесте от 25 ноября 1741 г. о вступлении на трон императрицы Елизаветы Петровны крестьяне также были исключены из присяги на верноподданство, а затем это стало правилом (за исключени-

ем Павла I, который в контексте политики "деспотического демократизма" велел прыгать даже крепостным).

Статус крестьянина был не субъективным, а предикативным, он "был никем" (не кем, а чем: собственностью своего владельца, который имел на эту собственность все права, за исключением права жизни и смерти). Дворянин противопоставлял себя крестьянину в умственном, нравственном и даже физическом отношении – одна владимирская помещица, попав в 1758 г. под следствие за истязания своих крепостных, излагала эти соображения почти в тех самых фразах, в которых Аристотель постулировал природные различия между гражданином и рабом: "Бог создал особо господ и слуг, которым и дал особую натуру, способную к перенесению тяжелых трудов в услужение господам, тогда как господа натуру имеют от Бога более нежную. К этому физическому различию между господами и холопами присоединено Богом нравственное различие между ними: способность повелевать и повиноваться. Законы гражданские, распределяя отношения между людьми, основываются на этом естественном различии господ и холопов, резко распределяя отношения между ними и в гражданском быту, поставив господ первыми в рядах гражданственности и во всех достижениях света и освободив от телесных наказаний, а последних, предоставляя им телесный труд, подвергает и наказанию телесному" (цит. по [Алефиренко, 1952, с. 545]).

Естественно, что такого рода дворянское сознание было отражением соответствующего крестьянского бытия: несмотря на оставшиеся юридические двусмысленности и случавшиеся время от времени административные вмешательства во взаимоотношения помещиков и крепостных (имперский режим не мог полностью и окончательно уступить несколько десятков миллионов жителей страны их привилегированным хозяевам, ибо тем самым поставил бы себя в столь же полную зависимость от последних), фактически владельческое крестьянство безраздельно было объектом власти и собственности дворянства.

Положение дворянства

В свою очередь, благородное сословие представляло собой политический класс, единственную страту, обладавшую гражданскими и политическими правами. Начавшаяся еще в XVII в. борьба дворянства за свободу/господство была длительной, но в конце концов увенчалась полным успехом: Манифест 1762 г., а затем и Жалованная грамота 1785 г. официально закрепили за благородным сословием и то и другое. Дворянство стало и в хронологическом, и в стратификационном смысле первым сословием, получившим юридически гарантированные права, и права совершенно исключительные: дворяне могли не служить, не платили прямых налогов, монопольно владели землей и крепостными ("населенными имениями") и имели собственную корпоративную организацию в форме дворянских обществ, на собраниях которых избирались магистраты, державшие в своих руках судебную и исполнительную власть на местах (на уровне уезда).

Список личных привилегий дворян включал в себя, ни много ни мало, 34 пункта. Наиболее важными из них являлись следующие: дворянин сообщал дворянское достоинство своим жене и детям, дворянка же, выйдя замуж за неблагородного, сохраняла дворянское звание, не передавая при этом дворянства мужу и детям. Дворянское достоинство могло быть отнято только по суду в наказание за определенные преступления; точно так же без суда дворянин не мог быть лишен чести, имения и жизни (причем судился он лишь в дворянском суде, а лишить его достоинства, чести и жизни был правомочен лишь Сенат с утверждения монарха). Дворянство было избавлено от телесных наказаний, что по тем временам оказывалось исключительной привилегией: до середины XVIII в. эти наказания господствовали в русском праве вкупе с пытками, калечением и изощренными видами смертной казни; при этом секли, подвешивали на дыбу, вырывали ноздри, вырезали языки, заливали горло расплавленным металлом, сажали на кол,

живьем зарывали в землю одинаково всех, будь то крестьянин или купец, чиновник или священник.

Телесные наказания тех же священно- и церковнослужителей были окончательно отменены лишь в начале XIX в., а крестьян секли в продолжении еще целого столетия; на этом фоне освобождение дворянства от телесных наказаний стало настоящей знаковой акцией, призванной продемонстрировать всем остальным сословиям исключительный статус "благородных". Но этим дворянские привилегии далеко не исчерпывались. Дворяне, находящиеся на службе, могли служить или выходить в отставку по собственному желанию; они имели право свободно выезжать за границу и вступать там в службу. Наследственное имение дворянина не могло быть конфисковано ни за какое преступление, его можно было лишь передать законным наследникам; дворяне имели право покупать имения, торговать произведенными в них продуктами, завозить в своих вотчинах фабрики и ярмарки; они являлись полными собственниками всех земных недр, а также лесов, находящихся на территории их имений. И так далее, и тому подобное: правовая сегрегация привилегированного сословия от всех прочих, особенно от владельческого крестьянства, этого сословия – антагониста дворянства, была последовательно доведена до максимально возможных в тогдашних социально-политических условиях пределов.

Однако все эти права на деле представляли собой только возможность, которую мог реализовать далеко не каждый дворянин. В своей массе российское дворянство было откровенно бедным: в 1770-е гг. 59% дворян Европейской России являлись владельцами менее чем 20 душ мужского пола, еще 25% владели крестьянами в количестве от 20 до 100 душ, и только 16% дворян располагали имениями с численностью крепостных от 100 душ и выше. К концу правления Екатерины II каждый третий российский дворянин владел менее чем 10 душами, – а ведь были еще и беспоместные, не имевшие ни земли, ни крепостных [Рожков, 1924, с. 42; Пайпс, 1993, с. 235]. На бытовом уровне жизнь мелкопоместного дворянина мало чем отличалась от жизни его крестьян. Вот для иллюстрации типичная опись такого поместья: "А на помещикове дворе хоромного строения: изба черная, что живет помещик... да помещиковой животины: лошедь мерин рыж, 3 коровы дойных, 4 овцы, 5 свиней, 15 куриц русских" [Материалы... 1951, с. 238].

Значительная часть мелкопоместного дворянства, с трудом удерживаясь от падения "в подлость", очень часто балансировала на самом краю, и далеко не всем удавалось удержаться. М. Данилов, сын капрала, сам дослужившийся до майора, пишет в своих записках о двоюродной сестре: "Дочь Петра Гурьевича (дяди мемуариста. – А.Ш.) Татьяна выдана была в замужество, от матери своей и отчима, поблизости к себе, в дом однодворца: дали они в приданое за Татьяною мужска и женска пола четыре души, однако она над своими приданными не была госпожа, как у матери, а была во всякой работе товарищ своим служанкам, жать на поле, толочь и молоть в доме, скотину убирать и корм давать, и все делать вместе; и так бедная Татьяна, не имев к таким трудам ни малой привычки и способности, потому хотя небогато, но дворянски была воспитана, принуждена была, серп и жернова имев в руках, окончить жизнь свою в работе" [Безвременье... 1991, с. 290]. Но это отдельный случай, а в некоторых районах проводящие жизнь в работе дворяне встречались в массовом порядке – так, новгородский генерал-губернатор граф Я. Сиверс, сообщая об одной своей инспекционной поездке, рассказывал: "Я был в одной деревне, где в 15 избах крестьянских нашлось 17 помещиков, и весь народ, который я нашел на жнитве хлеба, был благородный" (цит. по [Соловьев, 1994, с. 123]).

Сословный престиж дворянства

Тем не менее даже самый захудалый мелкопоместный шляхтич, если у него было хотя бы несколько душ, не спешил с ними расставаться, предпочитая оставаться бедным, но "благородным". Дворянин хотел быть свободным – то есть он хотел быть господином, хотел властвовать "подлыми", и в качестве не столько правительственного агента, сколько частного лица: только такое приватное властвование могло дать ему ощущение

ние господства, ощущение того, что он может подчинять своей воле других людей сам по себе, а не потому, что является офицером или чиновником. Эта необходимость была куда более значимой, чем любые выкладки об экономической целесообразности: ведь несомненно, что для многих мелкопоместных дворян ведение своих карликовых хозяйств силами нескольких крепостных приносило больше убытков, чем прибылей, и если даже оно давало доход, то размеры последнего были столь мизерными, что никак не могли соответствовать потребностям дворянского семейства. Однако дворяне, насколько это известно, не слишком часто решались продать имение, расстаться с помещичьим образом жизни и заняться каким-нибудь доходным предпринимательством, что с экономической точки зрения было куда более рациональным.

Сделаем простой расчет: представим себе мелкопоместного дворянина середины XVIII в., владеющего 20 взрослыми душами мужского пола и таким же количеством женских (детей для простоты не будем принимать во внимание); это типичная для того времени средняя (и дальше чуть больше среднего) деревня дворов в 10–12. Предположим, что деревня была на оброке и натуральные сборы были уже переведены на деньги (к середине века это стало общераспространенным явлением); оброк в это время равнялся приблизительно 1 руб. с души мужского пола, а я же возьму даже большую цифру в 1,5 руб. Таким образом, помещик получал со своей деревни 30 руб. годового оброка; приблизительно такую же сумму зарабатывал мастерской или получал жалования унтер-офицер. Деньги были не бог весть какие – прожиточный минимум горожанина в то время равнялся 15 руб. в год, и если даже наш гипотетический помещик жил в своем имении, то ему все же нужно было кормить еще жену и детей.

Мужчина-крепостной в это время продавался в среднем за 30 руб., женщина-крепостная – за 15 руб., поэтому, продав имение, только за крепостных можно было выручить сумму в 900 руб. Если, не мудрствуя лукаво, наш помещик не стал бы вкладывать полученный таким образом капитал ни в торговлю, ни в промышленность, а занялся элементарным ростовщичеством, то он мог бы получать приличные деньги: частный кредит тогда приносил доход от 10 до 20% годовых, а государственный практически отсутствовал, так что от клиентов не было бы отбоя. Ростовщический капитал в 900 руб., таким образом, мог приносить доход в размере 90–180 руб. в год, то есть в 3–6 раз больше, чем получал мелкопоместный дворянин от своих крепостных крестьян¹. Однако тогда он утратил бы статус "господина", а это было хуже бедности – это была социальная смерть.

Впрочем, до Манифеста 1762 г. дворянину, хотел он этого или нет, в любом случае приходилось рано или поздно отправляться из своего поместья на службу, где главным, что отличало благородных служащих от прочих служилых, становилось наличие слуг. Иметь дворового слугу было делом чести и достоинства: дворянин мог служить в низших чинах, но не мог сравняться с "низшими": ему было необходимо ощущать, осознавать и демонстрировать свой доминирующий статус, неотъемлемая часть которого – использование домашних слуг (и желательно не вольнонаемных, а своих дворовых: крепостных могло не быть, но дворовые были положительно необходимы). В результате крупные города, а особенно обе столицы – Москва и Петербург – были просто наводнены дворной крупными и даже мелких чиновников вплоть до полунизищих регистраторов и канцеляристов. На 1750 г. из 74 тыс. взрослого населения Петербурга 17 тыс. человек были слугами; в Москве в 1738 г. было 36 тыс. дворовых, которые вместе с 18 тыс. крестьян составляли более 40% всего населения старой столицы [Сакович, 1953, с. 247; Очерки... 1955, с. 103].

П. фон Хавен, датчанин русской службы, в 1736–1739 гг., писал: "Нет народа, знатные люди которого имели бы больше слуг и считали бы их многочисленность наибольшей роскошью, чем русские. Примером может служить то, что когда рота лейб-гвардии, состоящая из одних дворян, направляется верхами в караул, то за нею обычно сле-

¹ Это существенно больше, даже если учесть риск невозврата части кредита.

дует целая толпа конных лакеев" (цит. по [Беспярых, 1997, с. 360]). Прелестную картинку из жизни столичных гвардейцев находим у М. Дмитриева: "Дед мой, когда еще служил в гвардии, при императрице Елизавете, вот как выезжал на караул, будучи, кажется, еще подпоручиком. Да! Не ходил, а ездил в карете. Под мундиром у него был парчовый камзол; а на эфесе шпаги, вместо темляка, цветные ленты, с бантом. Лакей же, стоявший за каретою, имел на голове гренадерскую шапку своего господина и держал в руке его ружье" [Русские мемуары... 1988, с. 425]. А вот еще пример, но уже не из гвардейского, а из армейского быта: А. Болотов вспоминает в своих записках, как он, небогатый дворянин в чине армейского сержанта "при квартирмисских делах" в 1755 г. вместе со своим полком направлялся в Ревель: "...у меня была собственная моя коляска, трое людей, а сверх того верховая лошадь" [Болотов, 1986, с. 71]. Собственная лошадь – это, конечно, хорошо, но собственные "люди" – еще лучше: ты можешь быть армейским сержантом или гвардейским солдатом, но ты господин – по крайней мере, по отношению к своим слугам.

Вообще, средний русский дворянин первой половины XVIII в. стремился не столько к правовой, сколько к бытовой сегрегации от "подлых", окружавших его со всех сторон, начиная с той же самой дворни. Как утверждал Татищев, для подрастающего дворянина общение с "бабами, девками и рабскими детьми есть весьма вредное, потому что <он> научится токмо неге, спеси, лености и свирепству" (цит. по [Краснобаев, 1983, с. 208]). Поэтому наиболее просвещенные представители благородного сословия выступали за создание закрытых школ, где юный дворянин мог бы получить соответствующее его статусу воспитание и образование. Молодого шляхтича требовалось научить, как говорилось в одном из многочисленных учебников этикета, "не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется"; своим внешним видом и поведением дворянин должен был являть собой кардинальную противоположность "мужику".

Образование как форма укрепления статуса дворянства

Добиться этого было непросто, так как в открытых при Петре I разнообразных школах и училищах детям титулованных родителей зачастую приходилось сидеть за одной партой с детьми дворовых людей. Однако шляхетство так настойчиво добивалось своей цели, что в правление Анны Иоанновны и особенно Елизаветы Петровны начали создаваться закрытые дворянские учебные заведения, примером которых стали Шляхетский, Морской, Инженерный и Артиллерийский, Пажеский корпуса, щедро финансируемые правительством. (Так, на содержание Шляхетского корпуса при его открытии было отпущено 33 847 руб., на следующий год – 63 400 руб., и в дальнейшем суммы все увеличивались, к 1788 г. достигнув 200 тыс. руб. в год; для сравнения – Академия наук со всеми ее подразделениями получала в первые двадцать лет своего существования около 30 тыс. руб. в год, а по уставу 1747 г. стала финансироваться в размере 53 298 руб., то есть меньше, чем один кадетский корпус [Очерки... 1987, с. 125—127].)

Даже в бессловных школах принцип отделения и противопоставления "благородных" учеников всем остальным проводился в жизнь с поистине творческой изобретательностью: так, при открытом в 1755 г. Московском университете были фактически учреждены две гимназии – дворянская и разночинская, причем на первую денег отпустили в полтора раза больше, чем на вторую, хотя по количеству учеников разночинская гимназия почти вдвое превосходила дворянскую. Казенные стипендиаты-дворяне получали 18 рублей в год, а стипендиаты-разночинцы – 10; гимназистов-дворян драли по штанам линейкой, а разночинцев секли розгами (естественно, без штанов); в дневной рацион гимназиста-дворянина входило 1,4 фунта говядины, а гимназиста-разночинца – 1 фунт; первый ел кашу с маковым маслом, второй с конопляным, первому полагался хлеб ситный, второму решетный, первый носил чулки гарусные, второй нитяные, и т.д. и т.п. [Краснобаев, 1987, с. 57].

Учился же дворянин прежде всего иностранному языку, владение которым составляло качественное отличие его от простолюдина. В знаменитом учебнике по воспитанию молодых дворян "Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению" подрастающим шляхтичам прямо советовалось "между собою говорить иностранными языки, дабы тем навикнуть могли, а особливо когда им тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать" [Рябцев, 1998, с. 23]. Знание иностранного языка служило маркером социального статуса, и не случайно именно этот предмет стал краеугольным камнем дворянского образования: уже при открытии Шляхетского корпуса на курс немецкого записалось 237 кадетов, французского – 51, а русского – всего 18 [Милюков, 1995, с. 210]. Согласно школьному уставу 1804 г., русскую грамматику проходили только в уездных училищах, а в гимназиях, фактически являвшихся дворянскими сословными школами, вместо русского преподавали латынь, немецкий и французский, и если на изучение первого отводилось 423 часа, то на изучение последних – 2256 часов, то есть в пять с лишним раз больше, чем на русский [Сборник... 1864, стб. 302–326].

В этих условиях высокая, то есть письменная культура (культура "высших"), решительно приобретает сословно-"антинациональный" характер. Книгоиздательство и книжный рынок теперь оперировали не только, а порой и не столько русскими, сколько иностранными изданиями. В течение XVIII в. в России было издано 9513 книг (названий), из них 3420 – на иностранных языках (36%) [Сводный каталог... 1986, с. 216; Милюков, 1995, с. 338]. В каталоге шрифтов крупнейшей типографии страны, принадлежавшей Академии наук, на 1744 г. значилось 54 шрифта, из них всего 12 русских, зато 19 немецких и 20 латинских, на 1763 г. – 158 шрифтов, из них 54 русских, 47 немецких и 46 латинских [400 лет... 1964, с. 163, 175].

Русские шрифты требовались наборщикам реже, чем немецкие и латинские, так как не только сочинения академиков, но и разнообразная коммерческая продукция печаталась по большей части на латыни, немецком и французском языках. Так, календари – самый популярный вид массовой литературы того времени – издавались не только на русском, но и на немецком языке, причем доля последних составляла иногда четверть, иногда треть, а иногда и еще большую часть общего тиража. Даже художественные сочинения сотрудников Академии, в том числе В. Тредиаковского, М. Ломоносова и других, выпускались не только на русском, но и на немецком языке. Печатавшаяся с 1727 г. здесь же знаменитая газета "Ведомости" выходила под названием "Peterburgische Zeitung" – естественно, по-немецки, а ее русский вариант представлял собой сокращенный перевод с немецкого.

К середине XVIII в. более престижным и просто необходимым для русского дворянства стал не немецкий, а французский, и этот спрос также с успехом удовлетворялся как издателями, так и книготорговцами: в течение 1731–1760 гг. в книготорговых каталогах было заявлено о продаже около 3 тыс. изданий на французском языке, в том числе свыше 800 художественных произведений. На российском рынке можно было найти практически все сочинения Вольтера – 60 различных изданий; еще более показателен тот факт, что наивысший рейтинг продаж в Петербурге середины XVIII в. имела "Новая французская грамматика" – литература такого рода являлась для русского дворянина предметом первой необходимости [Луппов, 1983, с. 31; Копанев, 1984, с. 80–93].

Немецким и французским дело не ограничивалось, о чем свидетельствуют содержащиеся в литературе данные о составе личных библиотек более или менее известных деятелей той эпохи, имена которых для удобства сведены в следующую таблицу (см. табл.). В этом небольшом списке значатся различные люди – венценосные особы, чиновники, ученые, церковные иерархи и др.; объединяет же их принципиальное многоязычие личных книжных собраний – количество языков, на которых напечатаны принадлежавшие им книги, доходит до 12–13. Что самое интересное – книги на русском, как правило, представляют собой меньшинство, нередко – самое ничтожное, а иногда вооб-

Данные о составе личных библиотек русских царей и вельмож XVIII в.

Владелец	Общее количество книг	Издания на русском языке	Издания на латинском языке	Издания на немецком языке	Издания на французском языке	Издания на английском языке	Издания на итальянском языке	Издания на голландском языке	Издания на польском языке	Издания на др. иностр. языках
Петр I	621	47	9	44	51	5	6	02	5	8
Алексей Петрович	98	19								
Елизавета Петровна	83				83					
В.Я. Брюс	418	8	89	58	1	08		0		2
А.П. Ганнибал	00				00					
А.И. Остерман	611	6	86	30	47					
И. Лесток	30		6	0	52	0		0		
Д.М. Голицын	765	82	47	48	94	8	31	4	4	2
А.А. Матвеев	301	99								
А.П. Волынский	45	86	9	8	5				3	
Ф.И. Соимонов	24	3	0							
М.Г. Головкин	17	61								
А.Д. Язьков	00									
Д.И. Виноградов	51	6	8	9	8					
С.П. Крашенинников	22		13							
М.В. Ломоносов	70	20	90	25	23	1				
Г. Бужинский	65	9								
Д. Туптало	88	6	73							
А. Кондоиди	27		96		0					85
С. Тодорский	00	9								
Е. Колетти	00	5								
С. Ласкоронский	6		3							

ще отсутствуют. Возможно, причина этого в личных пристрастиях – раз все эти лица не являлись профессиональными переводчиками, может, они были полиглотами-любителями?

Чтобы выяснить это, следует взглянуть на фонды не личных, а общественных библиотек. Библиотека Славяно-греко-латинской академии к 1740 г. насчитывала 696 книг, из которых на русском было 122, на латыни – 545, на польском – 29. В библиотеке Шляхетского корпуса, в котором получала образование элита российского дворянства, на 1750 г. имелось 495 изданий, из них на русском – 34, на немецком – 163, латыни – 159, французском – 113, итальянском – 5, голландском – 2, остальные двуязычные. Библиотека Московского университета, с самого открытия в 1756 г. функционировавшая в качестве публичной и бесплатной, в своем первоначальном фонде имела около двух тыс. томов – издания на иностранных языках преобладали и здесь. Наконец, очень поучительную картину представляло собой крупнейшее книжное собрание страны – библиотека Академии наук: в так называемом "камерном каталоге", изданном в 1742 г. на латыни, значилось 15 562 книги, из которых только 620 были на русском языке (вместе с рукописями, которых было около половины из этих 620 названий), что составляло 4% от общего количества; таково было соотношение "русского" и "нерусского" в главной библиотеке России [История... 1964, с. 77–83; Луппов, 1976, с. 316–323; Хотеев, 1993, с. 31–53, 63–88].

Таким образом, если "россиянин" в те времена брал в руки книгу, то в подавляющем большинстве случаев это была книга не на русском, а на иностранном языке. По-русски издавались либо указы и регламенты, либо переводы и переложения все с тех же иностранных языков (религиозная литература печаталась на церковно-славянском), поэтому "читать" чаще всего значило – читать иностранную литературу на иностранном же

языке. Потребление такой "духовной пищи", естественно, являлось одним из важнейших маркеров высокого социального статуса "благородных"; впрочем, ту же самую функцию исполняло и потребление пищи материальной – в этом куда более регулярном и не требующем интеллектуальных усилий процессе дворянин имел возможность сочетать приятное с приятным, по нескольку раз в день убеждая себя и окружающих в своем несомненном превосходстве над "подлыми".

Престижное потребление дворянства

Действительно, желание российских шляхтичей превратиться из служилых людей в благородное сословие, выделиться, оттолкнуться от мира подлого люда, проще и быстрее всего можно было реализовать в сфере потребительской культуры, выстроив себе дом с мезонином, надев кюлоты с чулками и заведя повара-иностранца. Демонстрировать свое превосходство понятнее и приятнее всего с помощью престижного потребления, при котором престиж потребляющего растет прямо пропорционально тому, насколько редкие и, соответственно, дорогостоящие продукты он потребляет. Если говорить о продуктах в прямом смысле этого слова, то таковыми могли стать только продукты импортные: состав столовых запасов, получаемых дворянами из своих имений, был вне зависимости от их знатности и чиновности довольно немудрящим – зерно, мука, мясо, птица, яйца, мед, грибы, ягоды, орехи и т.п. Натуральный оброк с крестьянского хозяйства и не мог быть иным – от мужика можно было потребовать раков и клюквы, но не апельсинов и устриц; однако положение обязывало, и дворяне тратили огромные средства на приобретение импортных деликатесов, престижность которых стала столь значительной, что порой превышала их потребительские свойства.

Я говорю это не ради красного словца: всевозраставшая в течение XVIII в. стоимость ввозимых в Россию продуктов, таких как сыр, сельдь, рис, сахар, виноградные вина, водка, ром, пиво, портер, кофе, чай, фрукты, пряности и т.д., каковые в основном являлись продуктами именно дворянского престижного потребления, исчислялись цифрами, которые могут поразить самое смелое воображение. Так, в 1749 г. в Россию было ввезено из Европы этих товаров на сумму 1,3 млн руб. (24,4% от общей стоимости ввоза), а в 1758–1760 гг. среднегодовой ввоз этих товаров в стоимостном выражении равнялся 2,1 млн руб. (28,0% всего импорта). В натуральном выражении объемы среднегодового импорта 1758–1761 гг. были таковы: виноградное вино – 3,7 млн л, водка и ром – 202 тыс. л, портер и пиво – 192 тыс. л, сахар – 960 тыс. кг, сыр – 82 тыс. кг, кофе – 137 тыс. кг, чай – 129 тыс. кг. Если мы определим количество лиц, обладавших достаточными возможностями для более-менее регулярной покупки (и, соответственно, потребления) этих продуктов, в 150 тыс. человек (поместное дворянство, классное чиновничество, офицерский корпус, часть горожан), то на одного потенциального покупателя/потребителя в это время приходилось в год по 24,4 л импортного вина, 1,4 л водки, 1,2 л пива, 6,4 кг сахара, 0,6 кг сыра, 1,0 кг кофе, 0,8 кг чая.

Не следует сомневаться в том, что эти по сегодняшним меркам вполне рядовые продукты в рассматриваемую эпоху составляли основу престижного потребления: цены на импорт были таковы, что, например, для того, чтобы выпить чашку чая с сахаром, получающему поденную плату работнику пришлось бы трудиться полтора дня (2 г чая и 15 г сахара стоили в это время приблизительно 7 коп., а за день работы по плакатным расценкам платили 4 коп. зимой и 5 коп. летом; если же этот чай был с лимоном, то работать пришлось бы не менее двух дней – лимоны даже в Москве стоили по алтыну штука). В силу высоких цен на импортные продукты экономика страны с каждым десятилетием все больше становилась объектом дворянской эксплуатации: за первую половину XVIII в. внешнеторговый оборот увеличился в 7 раз, но если на вывоз шла продукция, произведенная крестьянскими и, в меньшей степени, рабочими руками, то ввозили все больше вещи, предназначенные для престижного потребления элиты. Так, в 1749 г. через столичный порт было ввезено на 651 тыс. руб. сахара, фруктов, сыра, пряностей, кофе, чая и табака: это лишь на 17 тыс. руб. меньше той суммы, на которую было вывезе-

зено леса, пушнины и воска. Только вино, водка, ром и пиво составили 12,9% стоимости всего ввоза: импортного алкоголя было закуплено на чрезвычайно внушительную сумму в 644 тыс. руб. – это на 36 477 руб. больше той суммы, на которую было вывезено в этом году таких российских товаров, как парусина, все виды полотна, канаты и веревки, смола, поташ, свечи, мыло, икра, ворвань, щетина, медь, рыбий клей, рогожи, хлебное вино, рожь, мука, коровье масло, мед, патока.

Заморское вино стоило в два раза дороже отечественной водки, в двенадцать раз дороже меда и в двадцать четыре раза дороже пива; это, безусловно, был продукт престижного потребления, причем следует отметить, что ввоз импортного алкоголя неуклонно возрастал. Так, в 1710 г. было импортировано вина и других напитков на 74 тыс. руб. (6,0% общей стоимости ввоза), в 1724 г. ввоз составил 141 тыс. руб. (8,9%), в 1749 г. – 644 тыс. руб. (12,9%), в 1758–1760 гг. среднегодовой ввоз спиртного составлял 946 тыс. руб. (12,9%). Остановить этот рост было невозможно, любые меры оказывались бессильными. Так, после введения в 1755 г. нового таможенного тарифа и отмены внутренних таможен в 1757 г. пошлины на импортные вина фантастически выросли: например, шампанские вина по тарифу 1731 г. облагались пошлиной по 5 руб. с бочки, а по тарифу 1757 г. – внешней пошлиной в 24 руб., к чему прибавлялась внутренняя пошлина в 31 руб. 20 коп., то есть в 11 раз больше. Венгерские вина раньше облагались пошлиной в 2 руб. с бочки, а теперь внешней пошлиной в 7 руб. и внутренней в 9 руб. 10 коп., то есть 16 руб. 10 коп. – в 8 с лишним раз больше. И каков же был результат этих поистине драконовских нововведений? Среднегодовой ввоз алкогольных напитков через столичный порт в 1751–1753 гг. равнялся 454 тыс. руб. (12,2% ввоза), а в 1758–1760 гг. вырос до 571 тыс. руб. (15,1%). (Надо заметить, что подобные попытки делались и раньше, однако всегда кончались примерно одинаково: в XVII в. ввозные пошлины на импортные виноградные вина достигали 50%, однако как только собутыльники царя-реформатора распробовали венгерское и бургонское, размер пошлин был уменьшен до 6–12,5%; в 1724 г. Петр I ввел протекционистский тариф, по которому пошлины на импорт достигали 75%, однако уже при Екатерине I Верховный тайный совет резко снизил импортные пошлины на вина, сыр, масло и галантерею.)

Так же обстояло дело и с другими заграничными деликатесами: импорт пищевых продуктов – предметов роскоши, составлявший в 1751–1753 гг. 23,6% ввоза через столичный порт, в 1758–1760 гг. вырос до 36,8%: росту потребления вина, сахара, кофе, импортных фруктов не мог помешать никакой тариф, причем процесс этот был чрезвычайно быстрым. При общем снижении суммы импорта с 3,7 млн руб. в 1751–1753 гг. до 3,3 млн руб. в 1758–1760 гг. (на 0,4 млн руб. меньше), стоимость ввоза этих предметов престижного потребления возросла, соответственно, с 0,9 млн руб. до 1,2 млн руб. (на 0,3 млн руб. больше). Импорт спиртных напитков, кофе и плодов стоил значительно больше, чем давал вывоз железа (717 тыс. руб. и 648 тыс. руб., соответственно). А если взять ситуацию по внешней торговле страны в целом, то в 1758 г., сразу после введения драконовских пошлин на импортный алкоголь, только вина, водки, рома и пива было ввезено на сумму, превышающую стоимость всего экспортированного железа и парусины (946 тыс. руб. и 928 тыс. руб., соответственно) [Семенов, 1859, с. 25–448].

Трудно сказать, был ли английский портер вкуснее русского меда, но сам факт, что благородное сословие тратило на приобретение привозного спиртного больше, чем давал весь вывоз текстиля и металла, свидетельствует о степени дворянского желания продемонстрировать свой статус даже в столь непритязательной сфере, как пьянство. Конечно, одним "употреблением" дело не ограничивалось: с усвоением престижных новинок в виде готовых продуктов коррелировало внедрение новых кулинарных технологий, в частности приготовления блюд на огневой плите. В культуре питания высшего сословия произошли существенные сдвиги под воздействием таких факторов, как разрыв в кулинарной традиции двора и придворных, связанный с переносом столицы в Санкт-Петербург, увеличение количества иностранцев, переселявшихся в Россию, и боевые действия русской армии на территории Западной Европы, в ходе которых тысячи дворян-офицеров непосредственно знакомились с европейской кухней.

Отправляясь вместе с армией в очередной зарубежный поход, какой-нибудь захудалый рязанский или курский мелкопоместный шляхтич, дома заедавший щи с солониной пирогом с капустой и запивавший все это кислым квасом, попадал в мир, где ели бульон, пили рейнвейн и не имели понятия о тавранчуке и квашенине. Да и дома дворянин, служивший в полку или канцелярии, постоянно сталкивался с иностранцами, причем иностранец гораздо чаще был его начальником, чем наоборот; сознательно русский фендрик мог ненавидеть немецкого лейтенанта, но бессознательно все равно стремился ему подражать, ибо чин и оклад последнего ассоциативным, своего рода "пралогическим" путем связывались с сосисками и пивом и не имели ничего общего с пирогами и квасом. Наконец, дворянство всегда подражает двору, и стремление к престижному потреблению способно пересилить любую традицию, не являющуюся более статусно значимой, в том числе и кулинарную. Двор же, в свою очередь, всегда подражает какому-нибудь другому, то есть иностранному, двору, поэтому вся страта "благородных" так или иначе заимствует элементы зарубежной культуры питания и в том находит отнюдь не лишнее для нее подтверждение своего превосходства над "подлыми" простолюдинами. Под воздействием всех этих факторов дворянская кухня и культура питания в целом стала средоточием немецких, а затем французских и английских заимствований: дворянин ел не какую-нибудь мужицкую тушеную говядину, а "beef à la mode", и хотя различие между тем и другим было номинальным, оно нерушимо свидетельствовало о фундаментальном превосходстве "благородства" над "подлостью".

Дворянский костюм

Те же мотивы двигали российским дворянством и при заимствовании иностранного костюма. Конечно, на первых порах Петру Великому потребовалось приложить немало усилий, чтобы переодеть шляхетство в саксонские кафтаны, и даже Екатерине I приходилось указным порядком предписывать отставным офицерам брить бороду и ходить в немецком платье. Но уже Елизавета Петровна стала издавать указы о том, чтобы никто, кроме особ первых пяти классов, не дерзал шить и носить богатые шелковые наряды с кружевами (естественно, европейского покроя). Тем самым императрица удовлетворяла стремление высшего дворянства к сегрегации по костюму, дабы получить еще одно максимально наглядное средство выделиться из окружающей "подлости". Иначе говоря, если несколькими десятилетиями раньше требовалось заставлять дворян носить европейскую одежду, то теперь, наоборот, надо было удерживать от этого неприлично богатых недворян.

Словно-дискриминационный характер ношения европейского костюма был очевиден уже для современников царя-реформатора – даже такой убежденный консерватор, как И. Посошков, в своем "Завещании отеческом" указывал на необходимость носить парик не только "ради офицерского украшения", но и, самое главное, "ради отмены простого народа" [Милоков, 1995, с. 207]. Тем более это стало очевидным спустя несколько десятилетий: уже в начале царствования "дщери Петровой" если какой-нибудь опустившийся мелкопоместный дворянин и мог дойти до того, чтобы надеть мужицкий тулуп, то никак-то, даже самый богатый мужик не стал бы обряжаться в чулки, кюлоты, камзол, обувать башмаки на каблуках и водружать на свою голову треуголку с плюмажем. Теперь между "благородными" и "подлыми" пролегла такая граница, пересечь которую было практически невозможно. Наоборот, и те и другие, прекрасно осознавая знаковую функцию своих обычных одеяний, по мере сил углубляли эту пропасть, и если крестьяне использовали имитацию дворянского мундира в качестве святочного, то есть маскарадного костюма, то дворянам даже для маскарада не полагалось использовать крестьянские наряды.

Елизавета Петровна, издав в 1743 г. указ "О платье для приезда на придворные маскарады", повелела "впредь на маскарад желающим ездить в хорошем и негнусном платье, а в телогреях, полушубках и кокошниках не ездить"; на маскараде можно было быть в любом костюме, "только кроме пилигримского, арлекинских и непристойных де-

ревенских" [Захарова, 2001, с. 121]. Для дворянина крестьянская одежда выглядела "непристойной" и "гнусной" именно потому, что символизировала принадлежность ее носителя к миру "подлости", – недаром провинившихся университетских студентов наказывали тем, что заставляли по нескольку дней носить мужицкий зипун. Костюм эффективно исполнял роль маркера социального статуса, ибо, в отличие от отсутствия иностранных (а то и любых) книг в личной библиотеке и устриц на обеденном столе, скрыть его было невозможно и одного взгляда было достаточно для того, чтобы определить сословную принадлежность владельца.

Жилище дворянина

Наконец, и жилище также играло роль стратификационного определителя: дворяне стремились европеизировать свои городские и загородные дома, дабы их внешний вид и внутреннее устройство в максимально возможной степени отличались от домов крестьян и посадских (особенно более или менее состоятельных – здесь для отталкивания от "подлости" требовались не только и не столько количественные, сколько качественные параметры). Конечно, выстроить новый дом было сложнее и стоило куда дороже, чем изменить обеденное меню или сменить гардероб, поэтому процесс европеизации дворянского жилища затянулся вплоть до последней трети XVIII в. Однако по мере сил и возможностей привилегированные домовладельцы стремились "облагородить" интерьер и экстерьер своих владений. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать известнейшие записки Болотова, со страниц которых предстает картина перманентного ремонта и перестройки старинного усадебного дома в новом столично-заграничном стиле.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что европеизация русской высокой культуры, бесчисленное количество раз выступавшая предметом многообразных спекуляций в отечественной и зарубежной культурологической традиции, отнюдь не являлась результатом случайно-произвольной прихоти Петра I и его венценосных преемников. Каким бы великим ни был этот и другие монархи и монархини, им никогда бы не удалось реализовать даже ничтожную часть своих культуртрегерских фантазий, если бы императорские инициативы не отвечали неодолимому желанию служилых чинов стать высшим сословием – сословием "высших". Дворянство использовало любые заимствованные артефакты именно для того, чтобы в качестве "благородного" сословия оттолкнуться от "подлого" народа, и не следует забывать об этом, когда мы говорим о золотом, серебряном и прочих веках "русской национальной культуры", в качестве которой сколь часто, столь и неверно воспринимается/рассматривается одна из многих сословных субкультур, ставших достоянием бесконечно богатой отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко П.К.* Русская общественная мысль XVIII в. о сельском хозяйстве // Материалы по истории земледелия СССР. Сб. I. М., 1952.
- Безвременье и временщики: Воспоминания об "эпохе дворцовых переворотов" (1720–е–1760-е годы). Л., 1991.
- Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997.
- Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986.
- Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII–начала XX в. М., 2001.
- История библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М.–Л., 1964.
- Копанев Н.А.* Репертуар произведений Ф.М. Вольтера в Петербургской академической книжной лавке в середине XVIII в. (1731–1761 гг.) // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984.

- Краснобаев Б.И.* Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987.
- Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII—начала XIX века. М., 1983.
- Луппов С.П.* Изучение истории библиотек и характера читательских запросов различных слоев общества как одна из важных задач, стоящих перед исследователями в области истории культуры // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983.
- Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976.
- Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 3. М., 1995.
- Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703–1861 гг.). М.–Л., 1955.
- Очерки русской культуры XVIII века. В 4 ч. Ч. 2. М., 1987.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.–Л., 1924.
- Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988.
- Рябцев Ю.С.* Хрестоматия по истории русской культуры. Художественная жизнь и быт XI–XVII вв. М., 1998.
- Сакович С.И.* Социальный состав московских цеховых ремесленников // Исторические записки. Вып. 42. М., 1953.
- Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. В 2 т. Т. I. 1802–1825. СПб., 1864.
- Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. В 3 т. Т. 3. Л., 1986.
- Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. В 3 ч. Ч. III. СПб., 1859.
- Соловьев С.М.* Сочинения. В XVIII кн. Кн. XIV. М., 1994.
- Татищев В.Н.* Записки. Письма. М., 1990.
- Хотеев П.И.* Книга в России в середине XVIII века. Библиотеки общественного пользования. СПб., 1993.
- Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.
- 400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964.